

Паул 2204  
ПУТНЫНЬ: ГЛАВНОЕ —  
СЛУШАТЬ ЛЮДЕЙ

КОГДА партийная организация Союза писателей Латвии выдвинула Паула Яновича Путныня кандидатом в депутаты районного Совета Риги, особо представлять его избирателям не пришлось: написанные им пьесы и публицистика уже сделали это.

Знаменательно, что успех сопутствует Путныню с самой первой его поставленной пьесы «Как делить золотую богиню», которая шла в Риге 170 раз. И всегда с аншлагом. С тех пор (с 1965 года) написано 17 пьес, их ставят театры Латвии, Белоруссии, Литвы, Узбекистана, Украины, Эстонии...

Думается, ничего удивительного в этом нет. Пьесы Путныня всегда остросоциальны, всегда на «злобу дня», в них во весь голос проявляется общественный темперамент писателя.

— Меня интересует внутренний мир героя, — говорит Путнынь, — психология поступка. Но как-то так получается: метишь в любовь — обнаруживаешь болевые общественные точки. Иногда замыслу вопреки. Вот, скажем, пьеса «Постучи мне в окно». Задумал писать об одиночестве женщины, а написал, по мнению критиков, «о ложно понятой эмансипации».

Такое с Путнынем случается не только в драматургии. Както еженедельник «Литература ун максла» затеял дискуссию о герое. Паулу Путныню также было предложено написать некое литературоведческое эссе. А он написал статью «Если желает добра своему обществу». Об этике труда, о рабочей совести, о причинах преступности... На литературные страницы ворвалась жизнь. И костер дискуссии сразу же вспыхнул. «Он повернул всю дискуссию к болевому вопросу», — скажет потом с одобрением секретарь парторганизации СП Эвалд Строд.

После премьер пьес Путныня часты острые схватки критиков, жаростные споры зрителей. Больше года, например, не утихают страсти вокруг последней его пьесы «Сладкое бремя верности». Дискуссия началась еще на театральных подмостках. Четыре театра (в Риге, Валмиере, Пярну, Шуяляе) дали разное ее толко-

вание. Затем полемика перекинулась на страницы газет, в зрительные залы. Сам драматург считает это нормальным:

— Однозначность уничтожает искусство, отрицает художественную достоверность. И это нормально, что режиссеры, актеры и зрители подчас по-разному воспринимают поступки моих героев. Разве не так же происходит в жизни? Я ничего не хотел смягчать, приукрашивать, выпрамливать. Противоречивость — свойство человеческого характера.

О чем же она, эта пьеса, которую Художественный театр имени Я. Райниса посвятил XXIII съезду Компартии Латвии, заявив в программе, что ее постановка — продолжение линии театра: «Райнис — Блауманис — Упит»? Обязывающее заявление...

В центре пьесы Леонард Бертулсон — «странный человек», который постоянно поступает «не как все». По-разному оценивают его родные и знакомые. И вслед за ними зрители тоже. Одни считают Бертулсона максималистом, другие — наивным дурачком, третьи — «единственным кредитоспособным».

Ничего исключительного он не совершает. Старается жить честно. Уступает, например, свое право на квартиру более нуждающимся, не идет на, казалось бы, безобидные хитрости с отчетностью, не отправляет в дом престарелых выросившую его тетю.

Нечто похожее было уже и в других пьесах Путныня. Например, в «Глупце и бюгелировщиках» или в комедии «Кошмар! Янка начинает думать» герои также стараются жить по совести, чем вызывая удивление окружающих, а иногда и осуждение. Что это? Смещение нравственных критериев?

Паул Путнынь соглашается с этим лишь частично:

— Среди тех, кто осуждает Бертулсона, не только люди, обладающие нравственным дальтонизмом. И своего героя я не идеализирую. Бертулсон стремится к справедливости, к гуманным целям, но при этом вынужден переступать через страдания своих близких, не всегда способен их слышать и

понимать. Он попадает в трагические противоречия, когда цели и средства не соответствуют друг другу.

И все-таки мне глубоко симпатичны доминантные черты его характера. И трудно согласиться с такой режиссерской трактовкой, когда Бертулсон выглядит заурядным эгоистом, фанатиком, не желающим ничего видеть вокруг себя.

Как-то в Доме союзов Латвии я слышал пожелание: «Было бы хорошо, если бы Путнынь сам поставил «Сладкое бремя верности».

Паул начинал как режиссер Художественного театра имени Я. Райниса. Ставил в Лиепае и свою собственную пьесу («Перепиши скотак»). «Это было не самое худшее режиссерское решение», — смеется он. Так почему бы ему в самом деле не «тряхнуть стариной»?

— Если автор и режиссер в одном лице, им трудно спорить, а значит, существует опасность обеднить спектакль.

Кроме того, режиссер по долгу службы должен быть властелином. Он единолично руководит творчеством живых людей — актеров. Автор властвует иначе — распоряжается жизнью героев. Такая власть никому не обидна. Помню, как-то художник-оформитель спектакля, поблагодарив за моей режиссерской работой, сказал: художнику легче. Не получилось — бери резинку и стирай. Никому, кроме себя, не причинишь боли. Может, потому я и ушел от режиссуры.

Впрочем, когда видишь, как далеk режиссер от твоего замысла, хочется взяться за постановку самому.

...Человека лучше всего характеризует его дело. По пьесам Путныня видно, что он всегда способен разобраться в истоках любого конфликта. Будь то семейная неурядица или разлад руководителя с коллективом. А как это важно для депутата! И все-таки общественная работа требует еще особой склонности к ней. Паул Путнынь — член правления Союза писателей Латвии и партбюро СП, член редколлегии журнала «Даугава» и госкомиссии по приему экзаменов в консерватории... И вот теперь его выдвигают на новое ответственное дело. Как представляет он себе депутатские обязанности?

— Если честно, пока еще не совсем полно. Самому обращаться к депутатам мне ни разу не доводилось. Так что опыта, считайте, нет.

Думаю, что главное для депутата (как, впрочем, и для драматурга тоже) уметь как можно лучше слушать людей. И, конечно, стараться помочь.

Г. ЦЕЛМС,  
соб. корр. «ЛГ»

РИГА

16 ИЮН 1982

Литературная газета  
г. Москва

122